

Николай Стэф

Спящие боги

Николай Стэф

Спящие боги

<https://litres.ru/74058953>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мир рассыпался в стеклянную пыль сто семьдесят четыре года назад. Война, у которой нет имени, оставила после себя только пустыню.

Клин — читатель памяти. Он находит уцелевшие данные и меняет их на воду. Он не герой. Но однажды он продаёт найденный диск с военной маркировкой барыге Когтю, и тот тащит его к «Железному кургану» — дюне, где давным-давно лежит боевой робот.

Случайная молния бьёт в древнюю машину. И начинается новая история, история, которая для людей может стать последней.

Клин теряет всё: дом, людей, веру. Но обретает нечто другое — Ольгу, девушку с серыми глазами, которая не боится роботов и друзей, которые не побоятся пойти с ним к секретной базе 17. Там, в Мёртвых горах, хранится оружие, от которого у богов потеют яйца.

Это история о простом человеке, который становится щитом для тех, кто остался. О том, что надежда — самый опасный враг.

И о том, что иногда, чтобы спасти мир, достаточно нескольких безумцев и одной карты, нарисованной на песке.

Николай Стэф

Спящие боги

Глава 1

Ветер гулял по бескрайней равнине, швыряя в лицо колючую крошку — не песок, а пыль битого стекла и раскрошенного бетона. Клин плотнее запахнул потрёпанную куртку, натянул респиратор до самых глаз и поправил лямку мешка за спиной. Двадцать шагов — остановка, отдышаться. Ещё двадцать — снова пауза. Так передвигались все, кто выходил за пределы поселения: каждый вдох здесь был испытанием.

Грудная клетка ходила ходуном, как старая гармонь. Воздух — если это дерьмо можно было назвать воздухом — имел привкус нашатыря и горелой изоляции. Где-то глубоко в лёгких копошилась та самая «стеклянная астма», которую Клин унаследовал от этого мира, как наследство от покойного родственника, который никогда тебя не любил. Отец точно так же хрипел во сне. Дед тоже. Теперь вот Клин. Семейная реликвия, мать её.

Он остановился, прислонившись к торчащему из земли куску арматуры — когда-то это был въезд на парковку, теперь просто ржавый памятник тому, как быстро вещи забывают своё назначение. Сквозь запотевшие линзы старых противогазных очков мир казался мутным, размазанным, как

картина сумасшедшего импрессиониста. Зрение садилось. Это было фактом, с которым он научился жить, как учатся жить с фантомной болью. Каждый вечер экраны мёртвых дата-падов оставляли в глазах зелёные пятна, и каждое утро эти пятна не желали исчезать полностью.

Вдалеке, словно мираж, вырисовывались контуры их дома — исполинская чаша древнего стадиона, точнее её остатки. Когда-то он вмещал девяносто тысяч ликующих голосов. Клин знал это, потому что нашёл однажды в полуразрушенном музее книгу — настоящую, из бумаги, с картинками. Люди на тех картинках выглядели смешными. Слишком чистыми. Слишком сытыми. У них были зубы, все до единого, и они улыбались, не опасаясь, что в следующую секунду пыль пережёт горло изнутри.

Теперь верхние ярусы служили сушильной для тряпья, развешанного, будто флаги забытых стран. В подтрибунных помещениях коптели жиром самодельные лампы — их тусклый свет едва пробивался сквозь щели в заколоченных окнах. Если прищуриться и сильно захотеть, можно было представить, что это свечи. Уютные такие свечи. Клин не прищуривался. Ему надоело делать из дерьма леденцы.

Он спустился по осыпающимся ступеням к полю. Ступени хрустели под ногами, как костяшки пальцев. Здесь, среди зарослей радиоактивного мха с багровыми прожилками — этот мох рос быстрее, чем крысы плодились, и был примерно таким же полезным, то есть никаким, — паслись слегка

мутировавшие козы. Шесть штук. У одной из них, старой, с обломанными рогами, имелись три пары сосков, и молоко из них шло такое, что после него на языке оставался металлический привкус. Как после того, как лизнёшь батарейку, только батарейки здесь давно сдохли, как и всё остальное.

Пастух, мальчишка лет двенадцати, махнул ему рукой. Клин кивнул в ответ. Мальчишку звали Тош, и он был одним из тех редких чудес, которые случаются в дерьмовых мирах: у него не было астмы. Клин где-то слышал, что такие дети рождаются раз на тысячу. А может, на миллион. С таким же успехом Тош мог быть единорогом или говорящей собакой.

— Клин! — крикнул парень. Голос прозвучал придушенно, потому что Тош тоже носил респиратор — сдуру, когда не надо было, потому что у него всё равно астмы не было, но правила есть правила. — Сегодня барыга Нос пришёл. Сказал, новости есть.

— Новости? — Клин поднял бровь, хотя под очками и маской это было незаметно. — Какие новости могут быть в месте, где единственное событие — это когда у козы рождается лишняя голова?

Тош пожал плечами. Плечи у него были острыми, как у голодного котёнка.

— Сказал, что кто-то нашёл ЭТО. Настоящее. На юге.

— Ага, — Клин двинулся дальше. — И море там из чистой воды, и трава по колено. Тош, парень, не ходи к Носу за новостями. Ходи к нему за консервами. В них хотя бы прав-

ды больше.

Он двинулся к окраине поселения, туда, где начинались «раскопки». Каждое утро он говорил себе: сегодня ничего не найдёшь. Сегодня удача кончилась, потому что её никогда и не было. И каждое утро он шёл. Потому что альтернатива — сидеть на стадионе, жевать козье мясо, пахнущее резиной, и ждать, пока лёгкие окончательно превратятся в решето. Это вам не жизнь. Это предсмертная записка, только длиной в несколько лет.

Зона разбора древних свалок напоминала кладбище машин. Клин стоял на краю и смотрел на это безмолвное поле смерти, и в который раз поймал себя на мысли, что красивое в уродливом — это единственная красота, которую он знает.

Ржавые остовы грузовиков торчали из земли под разными углами, как надгробья неизвестных солдат. Скелеты роботов с оторванными манипуляторами застыли в вечных позах молитвы — или предсмертной агонии, кто их разберёт. Груды оплавленного пластика, когда-то бывшего корпусами терминалов, планшетов, медицинских дронов, лежали повсюду, и ветер выдувал из них мелкую цветную пыльцу, похожую на конфетти с похорон бога.

Всё это когда-то было частью великой цивилизации. Так говорили старики. Те немногие, кто помнил. Но старики тоже врали, потому что старикам хочется верить, что их жизнь была не зря, что мир до них был лучше, чем мир после. Клин знал правду. Правда была в том, что цивилизация сожрала

сама себя. Сделала это медленно, со вкусом, смакуя каждый укус, а потом подавилась и выплюнула вот это.

Люди выживали за счёт того, что могли извлечь из этих могильников: жёсткие диски с полустёртыми данными, медные провода (медь шла на переплавку, для новых контактов, потому что старая медь всё ещё держала ток лучше, чем люди держали свои обещания), редкие капсулы с топливом для плазморезов. Плазморезы были игрушкой для богатых — для тех, кто жил в Северном Куполе, где ещё работала фильтрация. Слухи ходили, что там даже деревья росли. Настоящие. Зелёные. Клин в эти слухи не верил ровно настолько же, насколько верил в то, что Нос рассказывает правду.

Он подошёл к своему обычному месту — насыпи из разбитых серверов. Это место было его, потому что никто больше не хотел копаться в серверах. Слишком грязная работа, слишком мелкая. Легче было искать цветные металлы: ткнул палкой, услышал звон, выкопал. Серверы требовали терпения. А терпение, как известно, не едят и в воду не превращают. Но Клин любил серверы. Любил их так, как можно любить больной зуб: противно, больно, но без них как-то не так.

Работа «читателя памяти» считалась каторжной. Песок — вернее, эта долбаная стеклянная крошка — просачивался под перчатки, набивался в рукава, в воротник, скрипел на зубах, когда ты случайно снимал маску, чтобы закурить — хотя курить здесь было невозможно, потому что от первой же затяжки лёгкие сворачивались в узел. Диски рассыпались

в прах от одного неосторожного движения. Вся информация, которая могла спасти мир или хотя бы объяснить, какого хрена всё пошло не так, превращалась в серебристую пыль, стоило тебе слишком громко вздохнуть.

Но если повезёт найти уцелевшую матрицу, её можно было обменять у барыги по прозвищу Нос на банку тушёнки или пару литров чистой воды. Иногда — на оба варианта сразу, если матрица была особенной. Военной серии.

Клин опустился на колени. Колени тут же пронзила боль — старая привычка этого мира напоминать о себе тысячей мелких способов. Он достал из мешка инструмент — гибрид отвёртки и осциллографа с потрескавшейся рукояткой. Рукоятка была обмотана изолентой, поверх изоленты — ещё изолентой, а под ней скрывалась настоящая электроника, которую Клин собрал сам из остатков трёх разных приборов. Отец научил. Отец умел такое, что другие называли магией. Клин называл это «делом рук», и скромность здесь была не добродетелью, а способом выжить — слишком много желающих отнять у тебя то, что ты умеешь.

Он вскрыл корпус старого сервера. Внутри вместо аккуратных плат — комки окислов и паутина трещин. Сервер был мёртв так долго, что даже память о том, как он работал, умерла вместе с ним.

— Ну и чудненько, — пробормотал Клин, отбрасывая корпус в сторону. — Семьсот тридцать пять дней на этой грёбаной работе, и каждый день одно и то же.

Следующий. И ещё один.

Пальцы уже не чувствовали холода от прикосновения к металлу. Это было плохо. Когда пальцы перестают чувствовать холод, значит, скоро они перестанут чувствовать всё остальное. Но Клин продолжал. Он всегда продолжал. Это была его единственная настоящая суперсила: упёртость, похожая на умственную отсталость.

Предплечья покрылись свежими царапинами. Стекло в пыли режет, как бритва. Каждый порез тут же набивался этой проклятой крошкой, и потом, ночью, когда ты лежишь на матрасе из тряпок, каждый порез начинает петь свою маленькую песню боли. Клин знал эту песню наизусть. В ней было пять куплетов, и ни одного припева.

Он работал.

Ритм вошёл в привычную колею: вскрыть, проверить контакты, воткнуть щупы осциллографа в гнезда для диагностики, посмотреть на потрескавшийся жидкокристаллический экран, где бегали зелёные линии — жизнь, есть ли жизнь на этом кусочке пластика и кремния. Час. Два. Полдня.

Где-то рядом грохнул выстрел.

Клин замер. Рука застыла над очередным корпусом. Сердце пропустило удар, потом другой, потом включилось снова, заколотилось где-то в горле, потому что «стеклянная астма» не любила, когда её обладатель пугался.

Он прислушался.

Опять. Грохот, потом скрежет, потом шипение — как

умирающий дракон, которого заставили курить дешёвые сигареты.

Клин выдохнул. Не нападение. Просто кто-то чинил двигатель внутреннего сгорания. Уроды снизу, из гаражей, вечно возились со своими агрегатами, и каждый раз, когда поршень вставал не туда или клапан забывал, как он работает, звук получался такой, будто началась новая война.

После войны технологии откатились к странному симбиозу. Клин часто думал об этом — лежа ночью без сна, глядя в потолок, где коптила лампа. Ржавые механизмы с дымящими трубами соседствовали с чудом уцелевшими нейросетями, которые умели читать по губам или предсказывать песчаные бури. Это было, как если бы пещерный человек нашёл айфон и использовал бы его как молоток.

Или даже страннее.

Взять, к примеру, их старый генератор. Он стоял в самом нижнем подтрибунном помещении, и никто точно не знал, как он работает. Один конец был подключён к ржавому паровому котлу — тот питался козым навозом и пластиковыми отходами. Другой конец выдавал достаточно чистой энергии, чтобы крутить вентиляцию в реанимационной — маленькой комнатушке, где лежали самые тяжёлые, те, у кого лёгкие уже почти не дышали. А посередине была плата. Плата в кварцевом корпусе, с маркировкой, которую никто не мог прочесть, но, когда она отходила — а это случалось раз в два месяца, с пунктуальностью налогового инспекто-

ра, — весь стадион погружался во тьму, кроме реанимационной, потому что там был свой, аварийный, свинцово-кислотный аккумулятор, который таскали с развалин военной базы в прошлом году.

Семерых убили за тот аккумулятор. Клин помнил их имена. Все до одного. Не потому, что он был таким сентиментальным. Просто в их мире имена умерших были единственной валютой, которая никогда не обесценивалась.

— Где же ты, моя хорошая, — бормотал Клин, перебирая диски. — Где же ты, зелёнькая.

В соседних поселениях рассказывали, что где-то даже сохранился генератор гравитационного поля. Целый. Работающий. Клин не верил. Слишком уж сказочно звучало. В его опыте сказки всегда заканчивались одинаково: ты открываешь коробку, а там пусто, или там то, что тебя убьёт, или там то, что заставит тебя жалеть, что ты вообще умеешь открывать коробки.

Люди любят сказки. Особенно там, где их не бывает. Потому что сказка — это единственное, что стоит дешевле, чем надежда. А надежда здесь была главным врагом. Хуже пыли. Хуже радиации. Потому что пыль убивает тело, а надежда убивает душу, медленно, методично, заставляя тебя просыпаться каждое утро и думать: а вдруг сегодня?

Не будет никакого «сегодня», — говорил себе Клин. Будет только вчера и завтра, и завтра будет таким же, как вчера.

Но он всё равно искал. Потому что без надежды он был

просто трупом, который ещё двигался. А двигающихся трупов вокруг хватало. Стадион был полон ими.

К вечеру, когда солнце превратилось в тусклое пятно за пеленой пыли — даже солнце здесь выглядело больным, даже у солнца была своя «стеклянная астма» — Клин наконец нашёл то, ради чего провёл здесь полдня.

Диск в герметичном корпусе.

Он сиял, когда Клин поднял его над головой — не физически сиял, конечно, но в воображении, а воображение у читателя памяти было единственным, что не покрылось ржавчиной. Корпус из спечённого карбида, без единой трещины, без следов окисления. И на нём — едва заметная зелёная метка. Знак военной серии. Клин узнал бы его из тысячи. Или из миллиона. Потому что видел такой же однажды. Два года назад. И тогда диск продали Носу, а Нос отдал его Северянам, а Северяне дали за него три ящика тушёнки и целый бак воды.

Сердце забило чаще.

Клин слышал, как кровь стучит в висках. Слышал, как ветер свистит в трещинах разбитых серверов. Слышал, как далеко-далеко, на стадионе, кто-то ругается с козой, которая не желает доиться.

— Ну здравствуй, — сказал он диску. Голос прозвучал хрипло, как будто говорил не он, а кто-то другой, кто много лет не пользовался ртом. — А я уж думал, ты не придёшь.

Он уложил находку в мешок — отдельно, в специальный

карман, обшитый войлоком, который содрали с разбитого музыкального инструмента в прошлом году. Войлок пах плесенью и старыми мечтами, но он амортизировал лучше, чем что-либо другое. Клин закрыл карман на застёжку-молнию, застегнул мешок, проверил лямки.

И невольно поднял глаза к горизонту.

Горизонт был такой, каким всегда: серая пелена, смешивающая землю с небом, стеклянные дюны, отражающие тусклый свет умирающего солнца, и тишина. Не та тишина, которая бывает в лесу или в горах. Тишина мёртвого города. Тишина, в которой слышно, как работают твои собственные лёгкие, и этот звук похож на треск старого радио.

За пустыней, за грядой стеклянных дюн, должно было быть что-то ещё.

Воздух же откуда-то на планете берётся. Это был один из тех вопросов, которые Клин задавал себе ночами, когда не мог уснуть из-за хрипов. Воздух не может браться из ниоткуда. Значит, где-то есть что-то, что его производит. Леса. Океаны. Может быть, даже работающие генераторы атмосферы — такие штуки были до войны, он читал в тех старых книгах.

Возможно, где-то остались леса, реки, зелёная трава, о которой поют в древних песнях. Возможно, где-то даже есть люди, которые не носят респираторы. Люди с белыми зубами и чистой кожей. Люди, для которых утро начинается не с хрипов и боли в груди, а с чего-то другого.

Клин не знал, с чего начинается утро у таких людей. Его

воображение отказывалось рисовать эту картину.

Но этому краю — его краю, его дому, его проклятой бетонной чаше на краю мира — досталась лишь бесконечная равнина битого стекла. А мечты о другом мире оставались только мечтами.

Он зашагал обратно к стадиону.

В сумерках гигантская чаша казалась ещё более зловещей. Свет ламп, пробивающийся сквозь щели в заколоченных окнах, превращал стадион в огромный корабль, плывущий по морю тьмы. Или в воронку. В огромную воронку, готовую поглотить последних выживших.

На верхних ярусах уже зажигались огни. Там кто-то повесил новую тряпку сушиться, и она колыхалась на ветру, как флаг, которого никто никогда не поднимал. Доносился блеющий крик коз — Тоша загнал их в загон на ночь.

Клин остановился у входа, на нижних ступенях. В одной руке — мешок с диском. В другой — ничто. Просто пустота. Но эта пустота весила больше, чем весь его скарб.

Завтра, — подумал он. — Завтра пойду к Носу. Посмотрю, что он даст. Может, на этот раз хватит на новые батарейки для осциллографа. А может, и на тушёнку с водой.

Внутри стадиона пахло козами, жареным жиром и — едва-едва — той сладковатой вонью, которую издаёт разлагающийся организм. Кто-то умер сегодня. Клин не знал кто, но запах смерти был здесь таким же обычным делом, как запах страха. Он прошёл мимо.

По дороге к своей норе — бывшему техническому помещению для хранения инвентаря, где сейчас было его убежище — он услышал, как двое стариков спорят о том, работает ли ещё спутниковая сеть где-то высоко, в чёрном небе, среди мёртвых звёзд.

— Работает, — говорил один, — потому что сигнал был вчера.

— То был не сигнал, — отвечал другой, — то у тебя в башке что-то замкнуло. Спутники сдохли. Всё сдохло. Мы тут последние, и мы тоже сдохнем.

Клин не стал слушать дальше. Он залез в свою нору, запер дверь на засов — ржавый, но крепкий, — снял респиратор и уселся на матрас.

Респиратор он почистил, как делал каждый вечер. Потом достал банку с водой — четверть литра, остатки от прошлого раза, — сделал глоток. Вода была тёплой и отдавала пластиком, но это была вода. Чистая. Живая.

Он положил мешок рядом с собой, нащупал через войлок твёрдый диск. Почувствовал его тепло — или ему только показалось.

Завтра, — снова подумал он. — Завтра будет новый день. Но сейчас — ужин. Короткий сон. И снова эти видения.

Клин закрыл глаза. И увидел траву. Настоящую траву. Мягкую, зелёную, яркую, как в тех песнях, что пели когда-то давно. Он никогда её не видел. Никогда не чувствовал её запаха. Но его мозг, этот упрямый, больной, доведённый до от-

чаяния орган, рисовал её каждую ночь. И каждую ночь Клин просыпался с мокрым лицом.

Потому что даже слёзы здесь были не просто слёзами. Они были драгоценной влагой, которую организм не мог себе позволить.

До того, как мир забыл имя войны, — подумал он, засыпая. — До того, как мир забыл, как называется трава.

Война. У неё было имя когда-то. Теперь его забыли. Может быть, это и к лучшему.

Может быть.

Он уснул. И во сне дышал полной грудью.

Глава 2

Продажа состоялась в то же утро, на нижнем ярусе стадиона, где пахло козым помётом и жареным жиром — запахами, которые Клин ненавидел с детства, но научился не замечать, как не замечают собственное дыхание.

Коготь ждал его в своей «конторе» — так он называл бывшую судейскую комнату, где когда-то, в другую эпоху, толстые мужики в полосатых рубашках смотрели на поле и принимали решения, от которых зависели судьбы команд. Теперь здесь стоял стол из двух досок на кирпичках, горела копилка из банки из-под тушёнки, а на стене висела карта — не мира, нет, карта того, что осталось от города в радиусе пятидесяти километров. Красными крестиками на ней бы-

ли отмечены места раскопок. Чёрными — места, где копать больше не стоило, потому что там умирали.

Клин вошёл, поёжился от сквозняка и положил на стол свой мешок. Не спеша, с той особой медлительностью, которая в этом мире заменяла рукопожатие: я не боюсь, я не тороплюсь, я контролирую ситуацию.

Коготь сидел за столом, подперев голову металлической рукой. Протез тихо гудел — кто-то из местных умельцев когда-то собрал его из запчастей военного дрона, и с тех пор он работал почти безотказно. Почти. Иногда, в сырую погоду, пальцы начинали подёргиваться, и тогда Коготь пил настойку из какого-то корня, которая пахла хуже, чем тухлые козы, но помогала. В этом мире всё пахло плохо, но помогало. Кроме надежды.

— Показывай, — сказал Коготь. Голос у него был низкий, простуженный — такой бывает у людей, которые слишком много кричали на ветру. — Не томи. Я человек занятой.

Клин достал диск. Тот самый, с зелёной меткой. Герметичный корпус блеснул в свете коптилки — неярко, но достаточно, чтобы Коготь присвистнул. Металлические пальцы щёлкнули, сжались в кулак, разжались.

— Военная серия, — Коготь взял диск, поднёс к глазам. Близоруко прищурился — зрение у него было ничем не лучше Клинового, просто он не носил очков, потому что они мешали ему изображать крутого. — Целый. Без трещин. Где взял?

— Нашёл.

— Нашёл он, — Коготь усмехнулся криво, шрам на щеке дёрнулся. — Конечно, нашёл. А я вчера нашёл гору из чистого золота, просто поленился поднять. Ты где нашёл, Клин? Говори. Я не отниму. Просто интересно.

— В серверной. Третья свалка, сектор семь.

— Серверная. — Коготь покачал головой. — Всё туда ломитесь, серверные. Думаете, там сокровища. А там — пыль и смерть. Тебе повезло.

— Мне всегда везёт, — сказал Клин, и это была не правда, но правду в этом мире говорили только мёртвые, а он пока был жив.

Коготь положил диск на стол. Погладил его металлическими пальцами — движение получилось почти нежным, почти человеческим, если бы не тихое жужжание сервоприводов.

— Пять ампул воды, — сказал он. — И две банки тушёнки. Старая, довоенная, с мясом. Настоящим.

Клин моргнул. Пять ампул? Обычно за такие диски давали три, от силы четыре. А тут — пять. И тушёнка. Две банки.

— С чего такая щедрость? — спросил он осторожно. В голосе не было благодарности. Благодарность в этом мире стоила ещё меньше, чем надежда. — Ты, Коготь, не из тех, кто переплачивает. Ты из тех, кто недоплачивает и ещё хвалится, что облагодетельствовал.

Коготь откинулся на спинку стула — стул был найден на свалке, с отломанной ножкой, подпёртый кирпичом. Скре-

жетнул по бетонному полу. Металлическая рука легла на стол, пальцы забарабанили по доскам: тук-тук-тук-тук. Как пулемётная очередь. Только тише.

— Ты парень умный, — сказал Коготь после паузы. — Не как эти... — он махнул в сторону двери, за которой лежал стадион, полный таких же выживших, как они сами. — Ты читать умеешь. Не по слогам, а по-настоящему. И диски с данными ты находишь. Это редкость.

— Лесть — это не валюта, Коготь.

— А я и не стараюсь льстить. Я говорю, как есть. — Коготь наклонился вперёд, и свет коптилки упал на его лицо, высветив ямы и бугры, шрамы и морщины — карту человека, который видел слишком много и забыл слишком мало. — У меня есть дело. Одно дело. Тебе оно понравится.

— Твои дела мне никогда не нравились.

— А этот раз понравится. — Коготь помолчал, поиграл желваками. — Ты слышал про Железный курган?

Клин почувствовал, как внутри что-то ёкнуло. Не страх — страх он уже давно научился отличать от обычного состояния организма. Другое. Предчувствие. То самое, которое никогда не обманывало, но и никогда не говорило, чего ждать — хорошего или плохого.

— Спящий великан, — сказал он. — Трёх метров под землёй. Никто туда не суётся, потому что место дурное.

— Дурное, — согласился Коготь. — А ещё потому, что там есть то, за что люди платят. Платят по-настоящему. Не

ампулами — золотом. Не золотом — информацией. Не информацией — жизнью.

— Красиво говоришь, — Клин сложил руки на груди. — А по делу?

— По делу так: там внутри атомно-кристаллическая батарея. Я её видел в других роботах. Не лично, но мне один человек рассказывал. Он из тех, кто не врёт. Потому что мёртвые не врут.

— И где этот человек сейчас?

— Там же. У Железного кургана. — Коготь усмехнулся, обнажив жёлтые зубы с тёмными дырами на месте тех, что выбили в драке. — Его завалило, когда он копал. Мы не смогли откопать. Побоялись. Там грунт сыпучий, а робот большой. Один неверный шаг — и ты рядом с ним, под землёй.

Клин промолчал. Обдумывал. Это было похоже на правду — Коготь никогда не врал о деньгах. Обо всём остальном — да, врал постоянно, с наслаждением, как пьют воду в жаркий день. Но не о деньгах.

— И ты хочешь, чтобы я... что? Пошёл с тобой? Откопал эту батарею?

— Я хочу, чтобы ты открыл дверь, — сказал Коготь. — У тебя есть инструмент. Ты умеешь читать коды. А я — я копаю. Я достаю. Я охраняю, пока ты работаешь. Пятьдесят на пятьдесят.

— Пятьдесят на пятьдесят, — Клин усмехнулся. — Щед-

ро. А что внутри, кроме батарей?

— А какая разница? Батарея стоит тридцать ампул. Это наша доля. Твоя — пятнадцать. Пятнадцать ампул чистой воды, Клин. Ты сможешь не работать месяц. Или купить себе нормальные очки. Или уехать отсюда. На юг, где, говорят, воздух чище.

— Говорят, — повторил Клин. — Много чего говорят. Говорят, что там, на юге, трава зелёная. И реки. И люди не храпят по ночам. — Он помолчал, глядя на свои руки — исцарапанные, в чёрных разводах, с ногтями, которые никогда не были чистыми с тех пор, как он себя помнил. — Ладно. Завтра?

— Завтра. На рассвете. Возьми свой инструмент и что-нибудь тёплое. Ночью холодно, а мы можем задержаться.

Клин взял со стола диск — тот, который только что продал. Взял, повертел в руках, положил обратно.

— Забери его. Это аванс. Если я не вернусь — хотя бы не пропадёшь.

Коготь посмотрел на него долгим взглядом. В глазах мелькнуло что-то — может, уважение, может, насмешка.

— Не пропаду, — сказал он. — Я никогда не пропадаю.

Три километра к югу от стадиона — зона, которую местные обходили стороной.

Клин знал это место. Знал, но никогда не был здесь. Потому что у него было правило: не ходить туда, где другие не ходят. В этом мире правила были единственной страхов-

кой. Их нарушали только самоубийцы и дураки. Коготь был дураком. А Клин? Клин был тем, кого уговорили. Разница небольшая, но она существует. Существует ровно настолько, чтобы не замечать её, пока не станет слишком поздно.

Железный курган не внушал доверия.

Дюна поднималась из серой равнины, как горб больного животного. Из рыхлой крошки торчало плечо пятиметрового боевого робота, покрытое коркой окислов и слоем стеклянной пыли. Время и пустыня сделали своё дело: машина, которая когда-то стоила больше, чем весь их стадион со всеми обитателями, теперь напоминала скелет доисторической твари, выброшенной на берег моря, которого больше не существовало.

— Ну и красота, — сказал Клин, когда они подошли на расстояние ста метров. Голос прозвучал хрипло — не от астмы, от напряжения.

— Не ссы, — ответил Коготь. — Я тут уже десять раз был. Ничего он не делает. Спящий, как и называется.

— А если проснётся?

— А если у меня вырастут крылья, — Коготь плюнул на землю, — я буду летать, а не ковыряться в этом дерьме. Пошли.

Они подошли ближе. Теперь Клин мог рассмотреть детали. Робот был огромным — даже лёжа на боку, он возвышался над ними, как дом. Одна рука была вытянута вперёд, пальцы вросли в землю. Другая — согнута в локте, прижата

к груди, как будто он обнимал что-то невидимое. Голова, — была повернута набок, и в глазнице зияла небольшая чёрная дыра, видимо это след былой битвы.

Коготь тут же взялся за дело, как будто они пришли сюда не грабить могилу, а собирать хворост. Достал из мешка длинный железный штырь — такой старый и ржавый, что Клин удивился, как он до сих пор не рассыпался. Подошёл к стыку бронеплит у плеча робота. Плюнул на ладони — обычную и металлическую. Примерился.

— Слушай, — сказал Клин, — может, не будем ломать? Может, поищем штатный вход?

— Штатный вход, — передразнил Коготь. — Ты что думаешь, у этого монстра есть дверь с табличкой «Проходная»? Он боевая машина, а не базар. Там всё запаяно намертво. Единственный способ — вскрыть броню.

— Или найти диагностический порт, — возразил Клин. — Если сохранилось питание, порт может работать. Я смогу подключиться и открыть замки.

— А сколько времени займёт этот твой порт?

— Не знаю. Час. Два.

— А моим способом — двадцать минут, — Коготь уже вогнал штырь в стык и налегал на него всем телом. — Так что давай, по-моему.

Металл скрежетал, высекая редкие искры, которые тут же гасли в серой крошке, не успев толком разгореться. Коготь

пыхтел, ругался сквозь зубы, металлическая рука тихо гудела, помогая надавливать. Штырь входил медленно, сантиметр за сантиметром, как гвоздь в дубовую доску, прямо между брони пластин, в которых от времени образовалась небольшая щель.

Клин стоял в стороне и смотрел. У него было плохое предчувствие. Такое, какое бывает перед песчаной бурей — когда воздух становится слишком тяжёлым, а тишина — слишком громкой.

— Стой, — подал он голос, когда Коготь замахнулся для очередного удара. — Нельзя втыкать металл в реакторную зону.

Коготь замер. Обернулся. Вытер пот со лба рукавом грязной куртки — рукав был чёрным от вьёвшейся пыли, но пот всё равно оставлял на нём полосы, как следы от пуль на стене расстрельной команды.

— Это как ковырять ножом гранату, — пояснил Клин. — Если там сохранилась защита, а она сохранилась, ты можешь запустить цикл самоуничтожения. Или ещё хуже — кто знает, что в нём ещё может быть.

Коготь хрипло рассмеялся. Смех перешёл в кашель, кашель — в хрип, хрип — снова в смех.

— Замолкни, умник, — сказал он, когда приступ прошёл. — Ты здесь, чтобы читать коды, а не учить меня жить. Я в этом дерьме копаюсь с тех пор, как ты под стол пешком ходил.

— Под стол пешком не ходят, — машинально поправил Клин.

— Мне плевать, — Коготь отвернулся и снова вцепился в штырь. — Мне плевать, как ты там выражаешься. Ты получишь свою долю, если мы откроем эту банку. А если нет — не получишь ничего. Так что или помогай, или вали отсюда.

Клин не ушёл. Не потому, что ему нужны были пятнадцать ампул — хотя нужны, ещё как нужны. А потому, что любопытство пересилило страх. Он подошёл к роботу с другой стороны, опустился на колени и начал осматривать броню в поисках того самого диагностического порта, о котором говорил.

Место, которое они уже немного откопали, выглядело неожиданно целым. Железо сохранилось неплохо, почти без сквозной коррозии — такое бывает, когда металл покрыт специальным составом. Военным составом. На броне виднелись выцветшие символы. Клину узнал их сразу. Не просто маркировка, а что-то военное, с характерными ромбами и кодами. Такие ромбы он видел только один раз — на диске, который сегодня утром продал Когтю.

Он провёл пальцами по рельефным знакам, пытаясь разобрать последовательность. Пыль скрипела на подушечках — сквозь старые, истёртые перчатки он всё равно чувствовал каждую песчинку. Память работала как старый двигатель: сначала чихала, потом кашляла, потом вдруг выдавала нужную информацию.

В голове всплыли обрывки старых технических справочников. Отец показывал ему такие — в электронном виде, на планшете с треснувшим экраном. Такие машины выпускались незадолго до войны. Их оснащали автономными системами защиты. И резервными источниками питания.

— Ты хоть смотрел, из какого он века? — Клин поднялся, отступил на десяток шагов, повысил голос, потому что ветер дул в лицо и срывал слова. — Это не наш мусор, Коготь. Это военный класс. Такие машины не просто так ломались.

Коготь перестал улыбаться.

— И как же они ломались?

— Они частенько самоуничтожались. Чтобы не достаться врагу.

Тишина. Только ветер шуршал стеклянной крошкой, пересыпая её с места на место, словно песок в часах, которые отсчитывают время до конца света.

Потом Коготь рассмеялся.

— Молчи, крыса стадионная, — огрызнулся он, налегая на штырь. — Внутри него точно есть хотя бы немного заряженная атомно-кристаллическая батарея. Тридцать ампул чистой воды — моя доля. И не вздумай рыпаться.

Штырь вошёл глубже. Коготь ухватился за край бронелиста, потянул. Металл застонал, чуть-чуть поддаваясь. И в этот момент штырь застрял в броне робота намертво.

— Вот блин, зараза, — ругался Коготь. Дёрнул раз, другой. Без толку. — Зараза-а-а.

— Может помочь? — поинтересовался Клин, подходя ближе.

— Может и помочь, — ответил Коготь. Только в голосе не было благодарности. Одна усталость и раздражение. — Только ты чем мне поможешь? — Он отдернул руки, выпрямился, посмотрел на Клина сверху вниз — Коготь был выше на голову и шире в плечах, даже с учётом того, что питался не лучше всех остальных. — Я даже не понимаю, зачем я тебя нанял. Нужно было брать с собой какого-нибудь силача. Хотя бы Шрама. Шрам бы эту штуку одним мизинцем вытащил.

— А Шрам бы не смог открыть коды, — спокойно заметил Клин.

— Коды, коды... — Коготь сплюнул. — Тьфу. Коды ему подавай. Ты сначала дверь найди, а потом коды читай.

— Я уже нашёл.

Коготь замер.

— Чего?

— Диагностический порт, — Клин показал на нижнюю часть бронеплиты, туда, где символы с ромбами складывались в последовательность, которую он уже почти разгадал. — Здесь. Если я прав, он откроется без взлома. Просто вставишь штырь в нужное место и надавишь.

— И ты молчал?

— Ты не спрашивал. Ты был занят — ломал.

Коготь посмотрел на него долгим взглядом. Потом — на

то место, куда показывал Клин. Потом снова на Клина.

— Ты, парень, — сказал он медленно, — либо гений, либо самоубийца.

— Третье, — ответил Клин. — Просто человек с плохим инструментом и хорошей памятью.

Они провозились ещё час. Клин колдовал над портом, очищая его от пыли и окислов маленькой щёткой, которую носил в специальном кармане. Коготь крутился рядом, то подавал инструменты, то ругался, то отходил в сторону и возвращался, проверяя горизонт — не идёт ли кто.

Диагностический порт оказался забит так плотно, что Клин потратил полчаса только на то, чтобы добраться до контактов.

— Ну? — в сотый раз спросил Коготь.

— Молчи, — так же в сотый раз ответил Клин.

Он воткнул щупы осциллографа в гнезда. На экранчике побежали зелёные линии — кривые, рваные, но живые. Система отвечала. Где-то глубоко внутри, под слоями пыли и времени, всё ещё горели огни.

— Есть контакт, — сказал Клин почти шёпотом.

— Но энергии нет.

— Видимо батарейка всё-таки полностью разрядилась, — добавил Клин.

— То есть ты меня от штыря отвлекал всё таки зря, — хмыкнув сказал Коготь.

— Если что-то получится зови, а так не отвлекай меня.

Они провозились до самого вечера, каждый на своем участке, но и тот и другой так и не достигли нужной им цели.

Коготь сильно устав возиться с железным штырем, осмотрелся и его взгляд устремился на север. Там небо уже не просто темнело — оно менялось. Багровые оттенки сменялись фиолетовыми, а затем и вовсе появились мерцающие полосы, похожие на северное сияние, только ярче и неестественнее. Небо болело. Небо сходило с ума.

Воздух наполнился запахом грозы — резким, металлическим, от которого защипало в носу и заслезились глаза. Даже сквозь респиратор этот запах пробивался — едкий, злой, как предупреждение.

Гроза в этих местах была редкостью. И как правило, не предвещала ничего хорошего.

— Ладно, завязываем на сегодня, - сказала он Клину, который всё ещё возился с портом и пытался что-то придумать.

— Двинули, — Если мы не успеем до стадиона до того, как она начнётся, будем ночевать в поле. А ночевать в поле во время грозы — это тебе не коз пасти.

Они начали собирать свои вещи, чтобы вернуться в поселение.

Глава 3

Небо над Железным курганом разорвало пополам.

Клин не видел ничего подобного за двадцать шесть лет

своей жизни — и надеялся никогда не увидеть. Но надежда, как уже было сказано, в этом мире стоила меньше, чем плевков в пыль. А пыли здесь было навалом. Целые океаны пыли, в которых тонули мечты, и гром от этого был едва слышен.

— Быстрее! — крикнул Коготь, не оборачиваясь. — Быстрее, крыса!

— Сам... быстрее... — выдавил Клин, спотыкаясь о камень, которого не заметил в сумерках.

Он упал на колени, ободрал ладони о стеклянную крошку. Встал. Побежал дальше. Грудная клетка горела огнём — не тем, от которого греются, а тем, от которого сторают заживо. Каждый вдох был как глоток расплавленного металла.

И тогда небо лопнуло окончательно.

Первая молния ударила без предупреждения. Не было ни раскатов, ни нарастающего гула — просто вспышка, белая, как сухожилие бога, как те проклятые молнии, которыми рисуют на старых иконах, только эти были настоящими. Ударил точно в железный штырь, который Коготь так и оставил торчать в груди робота.

Клин ослеп на секунду. Мир исчез, растворился в белом кипятке, а когда вернулся, всё было по-другому. Воздух запах чем-то странным. Волосы на руках встали дыбом. Язык ощущал вкус медной монеты, которую никто никогда не чеканил в этом мире.

— Твою мать, — прошептал Коготь.

Штырь раскалился добела за долю секунды. Металл све-

тился так, что на него нельзя было смотреть, плавился и стекал вниз, в щель между бронеплитами, по которой они только что лазили. Ток силой в сотни тысяч вольт — Клин не знал точных цифр, но чувствовал их каждой клеткой — устремился вглубь машины, минуя все заглушки и предохранители, которые когда-то ставили инженеры.

Потому что инженеры, как бы умны они ни были, никогда не думали о молнии. Или думали, но решили, что такая вероятность слишком мала. В этом мире была одна железная истина: никогда не говори «слишком мала». Потому что вселенная обожала доказывать, что ты неправ.

Что-то внутри робота взорвалось.

Глухой хлопок, который Клин услышал скорее костями, чем ушами. Сгорели остатки защитных цепей — те самые, что должны были защитить эту древнюю машину от перегрузок. Те самые, которые он так боялся задеть своим осциллографом. Теперь от них осталась только горстка пепла на древних платах.

Тишина.

Клин замер, не дыша. Коготь тоже замер — даже металлическая рука перестала жужжать, будто испугалась.

А потом, вопреки всему, вопреки логике, вопреки законам физики, которые когда-то были единственными законами, заслуживающими уважения, реактор дрогнул.

И ожил.

В электронном мозгу Легионера 7 запустился каскад про-

цессов, которые видел только он.

Это не было похоже на человеческое пробуждение. Не было ни сладкой истомы, ни потягивания, ни желания ещё пять минут полежать в тепле. Это было больше похоже на удар дефибриллятора — резкий, без всякой анестезии.

Сначала — лавина ошибок. Система диагностики, древняя, потрёпанная, но всё ещё работающая на тех самых кристаллических цепях, которые Клин так мечтал найти, выдавала череду сообщений:

АВТОДИАГНОСТИКА

Прошло 174 года, 8 месяцев, 12 дней с момента последней синхронизации.

Внутренние системы на 93 % в аварийном состоянии.

Энергия: 3 %. Переход в режим экономии.

Рекомендация: найти источник питания. Не рекомендовано: боевое применение.

Но рекомендации были тем, что можно игнорировать. Особенно если ты — военная машина, и твоё единственное предназначение — не слушать рекомендации.

СТАТУС РЕАКТОРА

Критический сбой. Температура: не определяется. Давление: не определяется. Целостность контура: нарушена.

Попытка перезапуска...

Машина ждала. Сто семьдесят четыре года, восемь месяцев и двенадцать дней она ждала этого момента. В мире, где время не имело значения, потому что всё уже кончилось.

Попытка перезапуска... УСПЕШНО.

Реактор, уснувший было навечно, получил «искру жизни».

Легионер 7 ощутил себя так, словно тонул столетие — и вдруг вынырнул на поверхность. Сознание — не человекоподобное, не обременённое страхами и надеждами, но всё же сознание — включилось, как старая лампа: сначала тускло, с помехами, потом ярче, чётче, больше.

Внутри не было души. Только чистые алгоритмы, логические цепочки, потоки данных, которые бежали по повреждённым шинам, спотыкались, вставали, искали дублирующий путь и снова бежали дальше. Это было похоже на то, как если бы в разбитом зеркале вдруг отразилось чьё-то лицо — не целое, не красивое, но всё же лицо.

Но где-то в глубине, в закоулках повреждённой памяти, шевельнулся древний ужас.

Отголосок последнего боя.

Отголосок того мгновения, когда мир вокруг превратился в пепел.

Легионер 7 не умел чувствовать страх — он был машиной, а машины не боялись. Но у него было что-то другое. Что-то, что можно было бы назвать эхом. Эхом последнего приказа, последнего выстрела, последнего взрыва, после которого он рухнул лицом в пыль и пролежал сто семьдесят четыре года, восемь месяцев и двенадцать дней.

Он помнил всё. Не так, как помнят люди — размыто, с

пробелами, с ложными воспоминаниями. А так, как помнят жёсткие диски: каждый бит на своём месте, каждую секунду, каждый терабайт боли, зашифрованной в нули и единицы.

Он помнил, как умирал.

Он помнил, что не должен был ожить.

Системы оживали одна за другой.

Медленно. С болью — если можно назвать болью тот каскад ошибок, лавину красных сообщений, которые вспыхивали на внутреннем дисплее и гасли, вспыхивали и гасли, как новогодние гирлянды на свалке.

ОПТИЧЕСКИЕ СЕНСОРЫ

Повреждение: 78 %. Калибровка...

Визуальный диапазон: ограничен. Инфракрасный: работает. Ультрафиолетовый: не работает.

Запуск...

Оптические сенсоры открылись с металлическим скрежетом, похожим на стон.

Мир предстал перед Легионером 7 в красных тонах — видимо, из-за повреждения фильтров. Всё было красным: небо, которое разрывали молнии; земля, покрытая стеклянной крошкой; дюны, похожие на волны застывшей крови. Красный — цвет тревоги, цвет опасности, цвет того самого Протокола Омега, который до сих пор хранился в ячейках памяти.

Тепловое зрение уловило два источника тепла за дюной.

Первый — крупный, пульсирующий, с ярким пятном в

груди — там, где билось сердце, наполненное жадностью и адреналином. Этот источник стоял на месте. Почти не двигался. Смотрел в сторону Легионера.

Второй — удаляющийся, более холодный, с более слабой тепловой сигнатурой. Этот двигался быстро, в сторону — туда, где на горизонте возвышалась исполинская чаша стадиона.

СИСТЕМА ОПОЗНАНИЯ

Объект 1: неопознан. Сравнение с базой данных... совпадений не найдено.

Объект 2: неопознан. Сравнение с базой данных... совпадений не найдено.

Классификация: гражданские. Уровень угрозы: не определён.

Гражданские. В зоне боевых действий. Сто семьдесят четыре года, восемь месяцев и двенадцать дней спустя.

ПАМЯТЬ

Обнаружен внешний импульс. Зафиксирован запуск резервного контура систем управления.

Причина запуска: аномальное атмосферное явление (молния).

Рекомендация: провести полную диагностику.

Приоритет: НИЗКИЙ.

Потому что был приоритет повыше.

Последний приказ, замороженный в кристаллах памяти, всплыл на поверхность. Он не выцвел, не стёрся, не превра-

тился в шум — военные машины проектировали не для того, чтобы они забывали приказы. Военные машины проектировали для одного: выполнять. Выполнять, пока корпус не рассыплется в прах, а реактор не остынет до абсолютного нуля.

ПРОТОКОЛ ОМЕГА.

Классификация целей: неопознанные.

Метод: зачистка.

Приоритет: АБСОЛЮТНЫЙ.

Легионер 7 не спрашивал, почему. Легионер 7 не задумывался о том, что за сто семьдесят четыре года мир мог измениться, а приказ — устареть. Для него не существовало «устарело». Было только «выполнено» и «не выполнено».

Он начал подниматься.

Сервоприводы заскрипели.

Клин слышал этот звук даже на расстоянии — что-то похожее на скрежет несмазанных петель, только в тысячу раз громче. Он обернулся, и ноги отказались его слушаться.

Пятиметровая фигура, покрытая коркой окислов, распрямлялась во весь рост.

Сначала из дюны показалась голова — та самая, с пустой глазницей, в которой теперь горел тусклый красный свет. Потом плечи — широкие, массивные, с остатками наплечников, на которых когда-то крепились ракетные установки. Потом руки — одна вытянутая вперёд, пальцы вросли в землю и теперь вырывались из неё с чавкающим звуком, как корни старого дерева.

Робот поднимался медленно, с трудом — гидравлики шипели, выпуская застоявшуюся жидкость, похожую на сукровицу. Суставы трещали, как у старого человека, который слишком долго просидел в одном положении. Земля сыпалась с его корпуса, открывая боевую раскраску — когда-то чёрную, теперь серую, с выцветшими белыми полосами.

Легионер 7 встал во весь рост.

Он отбрасывал гигантскую тень на дюну — тень, которая накрыла и Когтя, и Клина, и половину пустыни. Тень, в которой не хотелось находиться. Тень, которая обещала смерть, не спрашивая имени.

Коготь замер.

Он стоял на много ближе, всего в двадцати шагах от робота — на гребне дюны, откуда всё было видно. Мешок с его вещами выпал из его руки и покатился вниз, оставляя в пыли глубокую борозду.

Клин видел лицо Когтя даже на расстоянии. На этом лице не было страха.

Там был восторг.

— Живая... — прошептал Коготь. Губы шевелились, но голоса Клину не слышал — только видел движение. — Батарейка живая!

Он шагнул вперёд. Металлическая рука тряслась — не от страха, от возбуждения.

— Да она стоит больше, чем весь наш стадион за десять лет! — Теперь Коготь кричал, и ветер доносил обрывки его

крика до Клина, который стоял в тридцати метрах, не в силах пошевелиться. — Тридцать ампул? Сто! Тысячу! На такой батарееке можно Северный Купол купить! Можно...

Он замолчал. Потому что робот пошевелился.

Легионер 7 повернул голову — медленно, с протяжным скрипом, как поворачивается башня древнего танка. Оптические сенсоры — оба, хотя один был разбит — уставились на Когтя. Красный свет стал ярче.

— Эй, железяка! — Коготь рассмеялся. Смех вышел хриплым, безумным — тем смехом, которым смеются люди, которые слишком долго смотрели на пустоту и наконец увидели в ней сокровище. — Ты теперь мой. Понял? Мой!

Он протянул руку — металлическую, блестящую — к роботу. Жест собственника. Жест человека, который никогда не слышал поговорки про то, чем заканчиваются игры с огнём.

Клин хотел крикнуть: «Беги!» Хотел заорать так громко, чтобы Коготь услышал, чтобы земля содрогнулась, чтобы мёртвые встали из могил.

Но не мог.

Потому что в этот момент Легионер 7 пристально посмотрел на Когтя.

Глава 4

Робот смотрел на Когтя и не двигался.

Это было хуже, чем если бы он сразу атаковал. Гораздо хуже. Потому что в неподвижности этой махины было что-то древнее и страшное — терпение самой смерти, которой некуда спешить, потому что она знает: ты никуда не денешься. Она подождёт. У неё в запасе целая вечность.

В процессорах Легионера 7 шёл мучительно медленный анализ входящих данных. Повреждённые системы выходили на рабочую мощность постепенно, словно старый механизм, который долго стоял без дела и забыл, как нужно двигаться. Каждый чип грелся, запускаясь после вековой спячки. Каждая шина данных наполнялась током, который нёс не только информацию, но и боль — ту самую, которую нельзя назвать болью, но можно назвать эхом смерти.

ОПТИЧЕСКОЕ РАСПОЗНАВАНИЕ

Объект классифицирован как биологический. Размеры: малые (приблизительно 1.8 метра в высоту, 80 кг массы). Количество конечностей: 4 (две верхних, две нижних). Расположение сенсорных органов: фронтальное.

Угроза: низкая. Оружие: не обнаружено. Защита: отсутствует.

Вероятность нанесения урона корпусу: менее 0.0001 %.

Низкая угроза. Почти нулевая. Но Протокол Омега не спрашивал, насколько велика угроза. Протокол Омега спрашивал только одно: свой или чужой?

Объект был чужим.

ТЕПЛОВОЕ СКАНИРОВАНИЕ

Источник тепла стабилен. Температура ядра: 36.8 градусов Цельсия. Периферийная температура: 34.2 градуса.

Пuls: учащён — приблизительно 140 ударов в минуту. Давление: повышено.

Признаки стресса зафиксированы: повышенное потоотделение, расширение зрачков, напряжение мимических мышц.

Вердикт: объект осознаёт угрозу.

Он осознавал. Это было хорошо — для алгоритмов, которые любили предсказуемость. Осознающий угрозу объект либо атакует, либо убегает. Либо замирает. Этот объект замер. Нестандартное поведение.

АКУСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Звуковой фон: ветер (скорость 12 м/с, направление северо-западное), собственное шипение гидравлики (частота 2200 Гц), прерывистое дыхание объекта.

Дыхание: неравномерное, с хрипами. Частота: 24 вдоха в минуту. Признаки патологии лёгочной системы.

Вокальный анализ: объект издаёт нечленораздельные звуки. Вероятность коммуникации: низкая.

Объект что-то говорил. Легионер 7 не разобрал слов — словарная база была повреждена, акустические фильтры забиты пылью. Но тон был понятен. Страх. Жадность. Надежда. Те самые человеческие эмоции, которые военные машины не умели интерпретировать, но умели использовать. Когда-то умели. Сейчас — не умели ничего, кроме одного.

ТАКТИЧЕСКИЙ МОДУЛЬ

Приоритетная задача: выполнение Протокола Омега.

Цель не соответствует шаблонам дружественных единиц.

База данных: 0 совпадений из 1 247 883 возможных.

Классификация: неопознанный.

Рекомендация: зачистка.

Способ: ближний бой (лазерный резак повреждён). Альтернатива: физическое уничтожение.

Данные обрабатывались с задержками. Некоторые блоки памяти были повреждены коррозией — те самые, где хранились коды доступа, визуальные шаблоны, голосовые идентификаторы. Другие — отключены для экономии энергии, потому что реактор пока выдавал только три процента мощности, и даже эти три процента уходили на то, чтобы просто не умереть.

Алгоритмы сверялись с архивами. Медленно. Муторно. Сто семьдесят четыре года простоя сделали своё дело — информация расслаивалась, как старая книга, страницы которой слиплись от времени.

Дружественные коды доступа: не найдены.

Дружественные визуальные шаблоны: не найдены.

Дружественные голосовые идентификаторы: не найдены.

Никого. За сто семьдесят четыре года мир изменился. Люди, которых Легионер 7 должен был защищать, исчезли. А может, просто перестали быть теми, кого он помнил. Система пыталась делать попытки анализа — раз за разом, упрямо, как старый пёс, который всё ещё ищет хозяина, хотя хо-

зьяин умер давно.

Попытка 1: анализ несоответствий. Ошибка.

Попытка 2: поиск частичных совпадений. Ошибка.

Попытка 3: пересмотр критериев классификации. Ошибка.

Решение: отключить сомнения. Приоритет — выполнение приказа.

Робот отбросил все сомнения. Потому что сомнения — это роскошь, которую военная машина не может себе позволить. Сомнения убивают. Сомнения — это глюк в системе, баг, который нужно исправлять.

И Легионер 7 исправил его самым простым способом.

Он перестал думать. И начал действовать.

Песок сыпался с плеч Легионера 7, струясь, как вода, по трещинам в броне.

Тысячи мелких частиц, которые накапливались веками, теперь срывались вниз при каждом движении, образуя серые водопады. Они падали на землю, поднимали маленькие облачка пыли и застывали, смешиваясь с той самой стеклянной крошкой, которой была устлана вся пустыня.

Клин смотрел на это уже с расстояния в пятьдесят метров и не мог пошевелиться. Его ноги в этот момент словно приросли к земле. Его сердце колотилось где-то в горле. Его лёгкие — эти вечные предатели — отказывались дышать, потому что воздух вокруг стал слишком тяжёлым, слишком плотным, слишком смертельным.

Робот сделал первый шаг через дюну.

Земля дрогнула под его двадцатитонной массой — дюна содрогнулась, осыпаясь мелкими оползнями. Клин почувствовал вибрацию подошвами ботинок. Она прошла через ступни, через кости, через позвоночник, ударила в затылок, и там застряла, превратившись в тупую, ноющую боль.

Двадцать тонн, — подумал Клин. — Двадцать тонн металла, окислов и злости. И он идёт. Идёт прямо на нас.

Каждый шаг сопровождался скрежетом проржавевших суставов — звук был похож на то, как если бы кто-то медленно открывал дверь в склеп, которая не открывалась сотню лет. Скрежет переходил в визг, визг — в хрип, хрип — снова в скрежет. И над всем этим — шипение гидравлики, выпускающей застоявшуюся жидкость. Жидкость была чёрной, густой, похожей на дёготь. Она не много капала с коленных суставов, оставляя на песке тёмные пятна, похожие на следы крови.

Техническая жидкость, — подумал Клин. — Просто техническая жидкость. Не кровь. У него нет крови.

Но пятна выглядели как кровь. И от этого становилось ещё страшнее.

Коготь, до этого момента всё ещё мечтавший о наживе, наконец осознал опасность.

Это произошло не сразу. Сначала его мозг — затуманенный жадностью, адреналином и той особой формой безумия, которая рождается в пустыне, когда слишком долго смот-

ришь на пустоту — отказывался верить тому, что видят глаза.

Не может быть, — думал Коготь. — Это просто железяка. Старая, ржавая железяка. Она не может двигаться. Не может идти. Не может...

Потом робот сделал второй шаг. И третий. И земля под ногами Когтя задрожала так сильно, что он едва устоял на ногах.

Он отступил на шаг.

— Эй, — сказал Коготь. Голос сел, превратился в хрип. — Эй, послушай...

Он поднял руки — обе, человеческую и металлическую, — вверх. Жест сдачи. Жест, который в старом мире означал: я не враг, не стреляй, давай поговорим.

Но этот мир не был старым. А робот не умел читать жесты.

— Ты чего? — Коготь продолжал пятиться. Пятки утопали в песке, оставляя глубокие борозды. — Мы же договоримся? Давай договоримся!

Он швырнул мешок с вещами в сторону робота. Мешок пролетел метра три, шлёпнулся на песок.

Легионер 7 даже не посмотрел в его сторону.

Его оптические сенсоры были устремлены на Когтя. Красный свет горел ровно, без мерцания — как глаз хищника, который выбрал жертву и не отвлечётся ни на что, пока жертва не перестанет дышать.

— Ну пожалуйста, — Коготь всхлипнул. Тот самый Ко-

коготь, который вбивал штырь в броню с такой яростью, который смеялся над предупреждениями Клина, который считал себя хозяином этой пустыни. Сейчас он стоял на коленях — когда успел опуститься на колени? — и смотрел на работа снизу вверх, и в его глазах не было ничего, кроме ужаса.

— Пожалуйста, — повторил он. — Не надо. Я всё отдам. Всё, что у меня есть. Я...

Он не договорил.

Легионер 7 медленно поднял ногу.

Массивную, похожую на кузнечный молот. Стопа была покрыта слоем окислов, но сквозь них проглядывал бронированный металл — толстый, прочный, созданный для того, чтобы давить, крушить, уничтожать. На подошве сохранились остатки протектора — глубокие канавки, когда-то предназначенные для сцепления с любой поверхностью, от бетона до скал.

Движение было неторопливым, почти величественным. В нём чувствовалась уверенность существа, которое знает: ты никуда не денешься. Нога поднималась вверх — медленно, сантиметр за сантиметром, — и каждое движение сопровождалось шипением гидравлики и скрежетом сервоприводов.

Коготь смотрел на эту ногу и не мог отвести взгляд. Гипноз смерти. Он слышал об этом от стариков — что в последние секунды ты не можешь пошевелиться, потому что твой мозг понимает: всё кончено. Нет смысла бороться. Нет смысла бежать. Есть только этот момент — и темнота после него.

— Нет, — прошептал он. — Нет, пожалуйста...

Стопа опустилась.

Убийство заняло меньше секунды.

Не было ни крика — гортань раздавило вместе с позвоночником. Не было хруста — робот весил двадцать тонн, и человеческие кости под такой тяжестью не хрустят, они превращаются в пыль. Был только звук — глухой, влажный, похожий на то, как если бы кто-то раздавил ржавую трубу, полную воды.

Чвак.

Всё.

Коготь перестал существовать.

Робот постоял секунду, потом поднял ногу. На подошве осталось тёмное пятно — влажное, блестящее. Пятно, которое трудно было разглядеть в сумерках, но Клин, находившийся в пятидесяти метрах, почему-то увидел его чётко. Увидел — и его вырвало. Прямо в респиратор.

Он содрал маску, сплюнул, вытер рот тыльной стороной ладони. Дышать без респиратора было невозможно — воздух обжигал горло, как кислота. Но дышать с респиратором, залитым рвотой, было ещё хуже.

Он убил его, — подумал Клин. — Просто наступил. Как на жука. Как на...

Он не договорил мысль. Потому что в голове всплыло другое: Коготь. Мертв. За секунду. Не успел даже закричать.

А я следующий.

Робот даже не заметил этого акта.

Для него это было то же самое, что для человека случайно раздавить муравья, идя по тротуару. Может быть, на подошве останется маленькое пятнышко, которое ты заметишь через несколько шагов, подумаешь: «А, ерунда», и пойдёшь дальше.

Только у муравья была семья, были дети, были мечты — такие же крошечные, как он сам. У Когтя не было семьи. Не было детей. Была только жадность, безумие и металлическая рука, которая теперь лежала в пыли отдельно от тела — протез оторвался при ударе и откатился в сторону, пальцы всё ещё сжимали воздух, будто хватали то, чего уже не было.

Человек раздавил муравья, — думал Клин, глядя на эту руку. — А робот раздавил человека. Всё правильно. Всё логично. Просто другой масштаб.

СИСТЕМА ОЦЕНКИ УГРОЗЫ

Объект 1: устранён.

Статус: нейтрализован.

Время выполнения: 5.6 секунды.

Затраты энергии: минимальные.

Поиск следующей цели...

Его сенсоры уже зафиксировали новую цель.

Вдали, на фоне багрового неба, мелькнула фигура бегущего человека.

Клин.

Клин бежал.

Он уже давно, полный ужаса, мчался в сторону стадиона, спотыкаясь о камни и осыпи песка. Ноги не слушались — они стали ватными, чужими, будто принадлежали не ему, а кому-то другому, кто не умеет бегать. Сердце колотилось где-то в горле, мешая дышать. Лёгкие горели — та самая стеклянная астма, которая обычно напоминала о себе только по ночам, сейчас устроила настоящий ад.

Беги, беги, беги, — стучало в голове в такт шагам. — Не оглядывайся. Не смей оглядываться.

Он оглянулся. И тут же пожалел об этом.

Робот стоял на том месте, где минуту назад был Коготь. Стоял неподвижно, как статуя, но эта статуя смотрела прямо на него. Красные глаза — два уголька в серой массе — были устремлены на Клина. И Клин понял: робот его видит. Не просто видит — отслеживает. Как хищник отслеживает добычу. Как снайпер отслеживает цель.

Тепловое зрение Легионера 7 уловило этот источник тепла мгновенно.

СИСТЕМА НАВЕДЕНИЯ

Объект 2: обнаружен. Дистанция: 65 метров. Скорость: 2.8 м/с. Направление: удаляется.

Тепловая сигнатура: характерная для человека. Пульс: 160 ударов в минуту. Признаки паники.

Угроза: низкая. Приоритет: текущая.

ЗАХВАТ ЦЕЛИ ПОДТВЕРЖДЁН.

Начать преследование? ДА.

Клин отвернулся и побежал быстрее. Настолько быстрее, насколько позволяли его больные лёгкие и слабые ноги. Он бежал, спотыкаясь, падал, поднимался и снова бежал. Куртка разорвалась на плече. Мешок с инструментами хлопал по спине, как крыло подбитой птицы.

Нужно предупредить людей, — крутилось в голове. — Нужно сказать им. Нужно, чтобы они ушли. Спрятались. Спаслись.

Но кто он такой, чтобы говорить им? Клин — рыжий от ржавчины, с очками от противогаса, с лёгкими, которые хрипят громче, чем козы на стадионе. Его слушать не будут. Его пошлют куда подальше. Скажут: «Опять придумал, крыса стадионная», и пойдут дальше заниматься своими делами.

А потом робот придёт и раздавит их всех. Как Когтя. Как муравьёв.

Беги.

Он бежал.

Нужно предупредить.

Он бежал.

Никто не поверит.

Он всё равно бежал.

Зачем?

Этот вопрос заставил его споткнуться в очередной раз. Клин упал на колени, ободрал ладони, поднял голову к небу — багровому, фиолетовому, разорванному молниями, которые всё ещё били где-то на севере, но уже тише, словно успо-

каиваясь после приступа ярости.

Зачем предупреждать людей, которые никогда не сделали для меня ничего хорошего? Которые смеялись надо мной? Которые называли меня крысой? Которые...

Он не договорил мысль. Потому что понял: неважно. Неважно, что они смеялись. Неважно, что они называли. Они были людьми. Единственными людьми, которые у него были. Стадион — дерьмовый, вонючий, ночью холодный стадион — был его домом. А люди там — его соседями. И если он не предупредит их, то кто предупредит?

Я, — подумал Клин, вставая. — Только я, потому что больше никого нет.

Он побежал дальше.

Легионер 7 развернулся.

Корпус повернулся на гидравлических приводах — медленно, с протяжным скрежетом, похожим на стон умирающего животного. Система равновесия, повреждённая, но всё ещё работающая, перераспределила вес, чтобы робот не упал при повороте. Плечи качнулись. Голова наклонилась вперёд — и снова выпрямилась.

Он начал неспешно двигаться в сторону Клина.

Шаг за шагом, с ужасающим скрипом изношенных механизмов. Походка была неровной — одна нога слегка подволакивалась, волочась по песку и оставляя за собой широкую борозду, похожую на след от плуга. Сервоприводы щёлкали при каждом шаге, предупреждая о перегрузке — они рабо-

тали на пределе, и, если бы кто-то мог заглянуть в технические спецификации, он сказал бы, что робот не должен двигаться. Но робот двигался.

Потому что военные машины не слушают тех, кто говорит «не должен».

Скорость не имела значения. Робот мог идти так часами, днями, неделями — пока не достигнет цели. Его реактор перезапустился после удара молнии, и энергия медленно, капля за каплей, наполняла его системы, возвращая их к жизни. Три процента мощности превратились в три с половиной. Потом — в четыре. Батарея, которую Коготь пытался украсть из его груди, мигала синим светом, но Легионер 7 не нуждался в ней.

У него было достаточно энергии, чтобы убивать. Может быть, не всех. Но достаточно.

СИСТЕМА ЭНЕРГОСНАБЖЕНИЯ

Уровень энергии: 4.2 %.

Прогнозируемое время работы: 72 часа (в режиме экономии).

Прогнозируемое время работы: 6 часов (в боевом режиме).

Рекомендация: найти источник питания.

Приоритет: **ВЫПОЛНЕНИЕ ПРИКАЗА.**

По пути он сканировал местность доступными датчиками. Механически. Тщательно. Как пылесос, который высасывает информацию из окружающего мира и складывает её в ячей-

ки памяти, не задумываясь о том, нужна ли эта информация.

РАДАР БЛИЖНЕГО ДЕЙСТВИЯ

Объекты:

- *- обломки металла (17 единиц)*
- *- кости животных (4 единицы)*
- *- куски пластика (23 единицы)*
- *- неопознанные фрагменты (11 единиц)*

Движущиеся объекты: 1 (Цель 2).

ХИМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗАТОР

Состав воздуха:

- *- кислород: 19.4 % (понижен)*
- *- азот: 78.1 %*
- *- диоксид углерода: 0.8 % (повышен)*
- *- озон: 0.03 % (опасный уровень)*
- *- радиация: 120 бэр/час (опасный уровень)*

АКУСТИЧЕСКИЕ СЕНСОРЫ

Источники звука:

- *- отдалённый гул стадиона (дистанция: 2.3 км)*
- *- голоса людей (минимум 40 источников)*
- *- бляение коз (12-15 источников)*
- скрип деревянных конструкций (ветровая нагрузка)
- *- шаги Цели 2 (дистанция: 52 метра)*

Стадион. Голоса. Козы. Дерево. Жизнь.

Легионер 7 зафиксировал эти данные, обработал и отправил в долговременную память, даже не задумываясь. Зачем ему знать, что на стадионе есть козы? Зачем ему знать, что

там есть дерево? Он не знал. Но записывал. Потому что военные машины записывают всё. Всё может оказаться важным. Всё может оказаться целью.

А цель — это то, что нужно уничтожить.

На спине робота что-то щёлкнуло.

Клин услышал этот звук даже на расстоянии — щелчок был металлическим, сухим, похожим на то, как защёлкивается замок в старом сейфе. Он обернулся — и увидел, как плазменная пушка, до этого находившаяся в сложенном положении, выдвигается наружу.

Механизм развернулся с металлическим лязгом, сегменты брони разошлись в стороны, обнажая ствол, покрытый слоем окислов. Пушка была огромной — почти в половину длины корпуса робота. Когда-то она была чёрной, блестящей, смертоносной. Сейчас она была серой, потрескавшейся, похожей на ствол старого дерева, которое не видело воды сто лет.

Но ствол был цел.

Клин видел это даже издали — плазменная пушка, может, и выглядела как груда металлолома, но её основные узлы сохранились. Конденсаторы. Фокусирующие кольца. Система охлаждения. Всё было на месте — под слоем пыли и времени.

И она скорее всего работала.

Пушка повернулась — медленно, с тем же скрежетом, что и всё остальное в этом древнем механизме. Ствол качнулся

влево, вправо, нащупывая цель. На конце ствола замерцал бледно-голубой огонёк — предионизация, подготовка к выстрелу.

Легионер 7 остановился. Достал пушку из гнезда на спине — могучие руки, каждая размером с человеческое тело, сомкнулись на стволе, извлекая оружие с такой лёгкостью, будто это была не тяжёлая машина, а пластиковая игрушка. Движения были механически точными, несмотря на возраст и повреждения — каждый жест выверен, каждая траектория просчитана.

Он напоминал снайпера, готового стрелять прямо на ходу. Ствол медленно качнулся, наводясь на бегущую фигуру Клина.

СИСТЕМА ПРИЦЕЛИВАНИЯ

Цель: Объект 2. Дистанция: 58 метров.

Поправка на ветер: 0.3 градуса влево.

Поправка на скорость цели: 0.5 градуса вперёд.

Зарядка плазмы: 87 %... 94 %... 100 %.

Готовность к выстрелу: ДА.

Клин почувствовал это. Не увидел — услышал? Нет. Просто почувствовал. Тот самый холодок вдоль позвоночника, который бывает, когда смотришь в дуло пистолета. Только здесь пистолет был размером с мотоцикл.

Сейчас, — подумал он. — Сейчас выстрелит. И меня не станет. Не будет ни стадиона, ни астмы, ни Клина. Только дым и пятно на песке.

Он побежал зигзагами. Бессмысленно, потому что плазма не пуля, она не промахивается из-за зигзагов. Но инстинкт самосохранения сильнее разума. Инстинкт говорил: двигайся, меняй траекторию, не будь мишенью.

Система прицеливания активировалась с тихим гудением. Красная точка — невидимая человеческому глазу, но существующая в инфракрасном спектре — легла на спину бегущего человека.

Пушка взвыла, набирая полную мощность.

И в этот момент Клин пересёк невидимую линию — ту самую, за которой кончалась зона поражения.

Клин покинул зону поражения.

Он не знал этого. Не рассчитывал траекторию, не смотрел на прицельные метки, не анализировал баллистические таблицы. Он просто упал — споткнулся о камень, который не заметил в сумерках, и покатился кубарем вниз по склону небольшой ложбины, вырытой ветрами за многие годы.

Ложбина была неглубокой — всего метра два в глубину, — но этого хватило. Хватило, чтобы исчезнуть из прямой видимости. Хватило, чтобы тепловые сенсоры потеряли его на несколько секунд. Хватило, чтобы система прицеливания сбилась.

СИСТЕМА ПРИЦЕЛИВАНИЯ

Цель потеряна. Переключение на режим поиска...

Сканирование сектора...

Цель не обнаружена.

Пушка опустилась. Голубое свечение на конце ствола погасло.

Легионер 7 замер. Стоял неподвижно, сканируя местность. Красные глаза медленно водили из стороны в сторону, как прожекторы, выискивающие цель. Но Клин лежал в ложбине, прижавшись к земле, не дыша, не двигаясь, превратившись в камень.

Не дыши, — приказывал он себе. — Не дыши. Он услышит. Он увидит. Не дыши.

Лёгкие горели. Стеклянная астма требовала воздуха. Он зажимал рот рукой, но хрип всё равно прорывался — тихий, свистящий, похожий на змеиное шипение.

Услышит, — подумал Клин. — Сейчас услышит и придёт.

Но робот не услышал. Или услышал, но не зафиксировал, как цель. Потому что акустические сенсоры были забиты пылью, а дыхание Клина терялось в шуме ветра и скрежете собственных механизмов робота.

Легионер 7 постоял ещё минуту. Потом развернулся — медленно, тяжело — и направился к стадиону.

Не к Клину, который бежал чуть левее от прямой траектории. К стадиону.

Потому что Протокол Омега требовал зачистки всех целей. А на стадионе было много целей. Больше, чем в пустыне. Гораздо больше.

Клин лежал в ложбине и слушал, как удаляются шаги робота. Шаг. Скрежет. Шаг. Шипение. Шаг. Хруст стеклянной

крошки под двадцатитонными ступнями.

Он уходит, — подумал Клин. — Уходит к стадиону. К людям. К тем, кто не знает, что идёт. К тем, кто спит сейчас в своих норах, кто жуёт козье мясо, кто чинит свои двигатели и мечтает о чистом небе.

К тем, кого я должен предупредить.

Он подождал ещё минуту. Потом поднялся на ноги. Колени дрожали. Руки тряслись. В респираторе всё ещё было противно и влажно, но он надел его обратно, потому что дышать без него было нельзя.

«Беги», — сказал он себе. — Беги быстрее, чем когда-либо в жизни. Беги, потому что, если ты не успеешь — они умрут. Все умрут.

Он побежал. Снова.

Не к стадиону. А к стадиону. Разница была только в том, что теперь он бежал не от страха, а от ответственности. И это было тяжелее. Гораздо тяжелее. Потому что страх можно пережить. А ответственность — она остаётся с тобой навсегда.

Даже если ты умрёшь.

Робот не знает исключений, — думал Клин на бегу. — Он не различает мирных жителей и солдат, детей и стариков. Все, кого обнаружат сенсоры, станут целями.

А цель — это то, что нужно уничтожить.

Я видел, как он убил Когтя. Не заметил даже. Как муравья.

А теперь он идёт к нам.

Ко всем нам.

И единственный, кто может это остановить — я.

Клин бежал. И звёзды над пустыней — те немногие, что были видны сквозь пелену пыли — смотрели на него холодно и равнодушно, как глаза робота, который не знает жалости.

А стадион ждал.

И на стадионе не знали ничего.

Глава 5

Легионер 7 не бежал — он шёл прогулочным, но тяжёлым шагом, выдерживая стабильную скорость 8 километров в час.

Восемь километров в час. Клин знал эту цифру, потому что считал в уме, пока бежал к стадиону. Восемь километров в час — это не быстро. Человек может бежать быстрее. Но человек не может бежать восемь километров в час в течение нескольких часов подряд. Человек устаёт. Человек падает. Человек останавливается, чтобы перевести дыхание, потому что у него — проклятая стеклянная астма.

Робот не уставал. Робот не падал. Робот не дышал.

Массивная фигура, покрытая коркой окислов и трещин, медленно приближалась к стадиону. С каждым шагом она становилась всё больше — сначала тень на горизонте, потом силуэт, потом гора, которая двигалась. Пыль поднималась из-под ног Легионера 7, как дым из-под паровоза, только чёрного дыма не было — была серая, тяжёлая взвесь би-

того стекла, песка и вековой грязи, которая оседала на всём вокруг, делая мир ещё более мёртвым, чем он был.

Через час после уничтожения Когтя робот вышел на открытую местность перед поселением.

Жители заметили его за километр.

Кто-то из мальчишек, карауливших на верхних ярусах, первым увидел тёмный силуэт на фоне багрового неба и удаляющейся грозы. Мальчишку звали Тоша — тот самый двенадцатилетний пастух, который махал Клину рукой ещё вчера. Сейчас он не махал. Он смотрел вдаль, и его глаза становились всё больше, а лицо — всё белее.

— Идёт! — закричал он. Голос сорвался, превратился в петушиный фальцет. — Он идёт!

Сначала никто не понял, о ком он. Или о чём. Кто идёт? Мародёры? Северяне? Песчаная буря? Но когда люди выглянули наружу — выглянули и увидели, — крик застрял у них в глотках.

Потому что это было не то, что они привыкли видеть.

Пустыня рождала много страхов. Голод. Жажду. Радиацию. Враждебные племена, которые убивали чужаков ради пары банок тушёнки. Песчаные бури, которые сдирали кожу с лица, если ты не успел спрятаться. Но всё это было знакомым. Предсказуемым. С этими страхами можно было жить — если закрыть глаза и не думать слишком много.

То, что шло к стадиону, не было знакомым. Оно было из другого времени. Из того времени, которое все считали

мёртвым. И которое оказалось живучей, чем кто-либо предполагал.

К тому моменту Клин уже успел добежать до поселения.

Он влетел на стадион через южный проход — туда, где когда-то были служебные ворота, а теперь зияла дыра, завешенная куском армейского брезента. Лёгкие горели, как будто он проглотил раскалённый уголь. В глазах двоилось. Ноги дрожали, и если бы не стена, в которую он врезался на полном ходу, он бы упал и, наверное, не встал.

— Он... — Клин хватал ртом воздух, содрал респиратор, потому что в маске было нечем дышать. — Он... идёт... робот... Железный курган... Коготь... мёртв...

Люди смотрели на него с недоверием. Кто-то засмеялся — нервно, потому что в этом смехе было больше страха, чем веселья. Кто-то перекрестился — старым жестом, о котором никто уже не помнил, откуда он взялся. Кто-то просто отвернулся и пошёл дальше заниматься своими делами, потому что у Клина всегда были странности, и кто его знает, что он там напридумывал.

— Спящий великан, — продолжал Клин, хрипя и кашляя. — Он... проснулся. Молния... ударила... Коготь пытался... он раздавил его. Как муравья. Просто наступил.

— Кончай молоть чушь, крыса, — сказал кто-то из мужиков. Здоровенный детина с обритой головой и шрамом через всю щёку. Шрам. Тот самый, которого Коготь хотел взять с собой вместо Клина. — Лежит твой великан. Сто лет лежит.

И ещё сто пролежит.

— Выгляни, — ответил Клин.

И Шрам выглянул.

Увидел. Побледнел. Потому что на горизонте, на фоне багрового неба, двигалась гора. Медленно. Неумолимо. И она была уже ближе, чем километр.

— Твою мать, — сказал Шрам. — Твою мать, твою мать, твою мать.

Поднялась тревога.

Люди метались по стадиону, как муравьи в разорённом муравейнике, — без системы, без порядка, каждый сам за себя. Кто-то хватал детей и бежал к выходу. Кто-то хватался за оружие — ржавые автоматы, плазменные ружья с полуразряженными батареями, охотничьи карабины, которые использовали для стрельбы по мутировавшим крысам. Кто-то просто стоял на месте и смотрел в одну точку, потому что его мозг отказывался обрабатывать информацию.

Куда бежать?

Пустыня вокруг — с редкими островками жизни и враждебными племенами, которые ненавидят всех чужаков. Племена пустынных — так их называли. Люди, которые жили в норах под землёй, питались личинками и корнями и убивали любого, кто приближался к их территории. Они не торговали. Они не разговаривали. Они просто убивали.

Уйти в пески — значит обречь себя на медленную смерть от жажды или нападения мародёров. Это не выход. Это от-

срочка. И очень короткая отсрочка.

Остаться на стадионе — значит встретиться лицом к лицу с тем, что идёт по пустыне. С тем, кто раздавил Когтя, как муравья. С тем, у кого на руке лазерный резак, а за спиной — плазменная пушка, способная прожечь бетон.

Люди разделились.

Часть, в основном женщины с детьми и старики, бросилась прочь из поселения. Они не ждали чуда. Они не надеялись на то, что робот пройдёт мимо. Они просто делали единственное, что умели делать всю свою жизнь, — прятались.

Кто — в старых подземных бункерах, оставшихся от войны. Эти бункеры были построены ещё до того, как мир превратился в пустыню, и в них до сих пор сохранялся воздух, пригодный для дыхания — если не открывать двери слишком долго. Кто — в расщелинах скал, в десятке километров к западу от стадиона. Там, где когда-то проходила река — или то, что называлось рекой в этом мире, — ветер выгрыз в камне глубокие трещины, куда можно было забиться, как мыши.

А кто-то... кто-то просто зарывался в песок. Надеюсь, что робот пройдёт мимо. Надеюсь, что его тепловое зрение не заметит тела, присыпанные стеклянной крошкой. Надеюсь, что надежда в этот раз не обманет.

Клин смотрел, как они уходят, и не знал, правильно ли они поступают. Может быть, правильно. Может быть, в пустыне

у них будет больше шансов. А может быть — меньше. Кто мог знать? В этом мире никто ничего не знал наверняка.

Но остались и те, кто решил дать отпор.

Несколько крепких мужиков — тех, кто помнил, как держать оружие, кто не раз участвовал в стычках с мародёрами и пустынноиками. Они собрались у центрального входа на поле, где когда-то бегали футболисты, а теперь паслись козы. У них было потрёпанное оружие времён последних локальных конфликтов между племенами — автоматы с кривыми магазинами, плазменные ружья, которые стреляли раз в десять секунд, потому что батареи были старыми, а конденсаторы протекали.

Шрам был среди них. Шрам командовал. Потому что Шрам был самым сильным, самым злым и самым бесстрашным — или самым глупым, что в этом мире часто было одно и то же.

— Встать в цепь! — кричал он. — Первая линия — стрельба очередями! Вторая — плазма по команде! Не целиться в корпус! Бейте по суставам, по сочленениям! Это единственное место, где броня тоньше!

Они знали, как обращаться с оружием. Этому их научила жизнь. Патронов оставалось всё меньше — каждый выстрел был на счету, каждый промах означал, что кто-то, возможно, умрёт из-за того, что пуля ушла в молоко. Но сейчас не было времени считать патроны. Сейчас было время стрелять.

Клин взял карабин. Старый, довоенный, с оптическим

прицелом, который давно сбился и показывал не туда, куда надо. Отец когда-то подарил ему этот карабин. Сказал: «Пригодится». Клин не верил. Но брал его иногда с собой, когда выходил в пустыню, потому что в пустыне было всякое.

Сейчас он держал карабин в руках и не верил, что это поможет. Не верил. Но перезаряжал.

Атака робота на поселение оказалась не бойней.

Она оказалась утилизацией.

Легионер 7 действовал методично, без эмоций, следуя протоколу. Он не торопился. Не злился. Не радовался убийствам — для этого нужно было иметь душу, а у него были только алгоритмы. Алгоритмы и приказ.

Он вышел на открытое пространство перед стадионом — туда, где когда-то была парковка, а теперь — пустырь, усеянный обломками бетона и ржавого металла. Остановился на мгновение. Сканировал.

СИСТЕМА ОЦЕНКИ УГРОЗЫ

Обнаружено 14 источников тепла.

Классификация: все — биологические, человеческие.

Наличие оружия: 9 источников (кинетическое, плазменное).

Уровень угрозы: низкий.

Приказ: зачистка.

Он сделал шаг вперёд. Потом ещё один.

— Огонь! — скомандовал Шрам.

Люди стреляли в него из всего, что было.

Пули отскакивали от брони, оставляя лишь мелкие царапины. Клин видел это своими глазами — как маленькие кусочки свинца ударяются о серую поверхность, плющатся, превращаются в лепёшки и падают в песок. Иногда — очень редко — пуля попадала в трещину, и тогда раздавался звук, похожий на удар молотка по стеклу. Но трещины были мелкими, а броня — толстой. Пули не пробивали её.

Они просто царапали. Как ноготь, проведённый по старой стене.

Плазменные заряды — те самые, которыми гордились мужики, потому что плазма была лучше пуль, — тоже оказались слишком слабыми, чтобы пробить военную броню. Они попадали в корпус Легионера 7, оставляли чёрные пятна, заставляли металл дымиться, но не больше. Броня, созданная для защиты от военного оружия, плавилась при температуре в несколько тысяч градусов. Плазма из старых ружей нагревалась до тысячи — от силы до полутора.

Разница была в три-четыре раза.

И Легионер 7 шёл.

СИСТЕМА СТАБИЛИЗАЦИИ

Попадания: 23.

Повреждения: незначительные.

Потеря функциональности: 0 %.

Продолжать движение.

Он поднял руку. Лазерный резак — выдвинулся из предплечья. Оранжевое лезвие рассекло воздух.

— У него ещё и резак работает.

— Рассредоточиться! — закричал Шрам, но было поздно.

Лазер ударил. Не в людей — в бетонную стену справа от них. Стена оплавилась, потекла, как воск. Брызги раскалённого бетона полетели в стороны, попадая на одежду, на кожу. Кто-то закричал. Кто-то упал.

Легионер 7 не хотел убивать их всех сразу. Он просто расчищал себе путь.

Клин сделал несколько выстрелов из старого карабина.

Он лёг на землю, как учил отец, прижал приклад к плечу, задержал дыхание — насколько это было возможно с его больными лёгкими — и нажал на спусковой крючок.

Пуля ушла в правое плечо робота. То самое плечо, где крепилась плазменная пушка.

Попал, — подумал Клин. — Я попал.

Он не попал. Пуля ударила в броню, оставила царапину, отскочила и ушла в рикошет, едва не задев одного из мужиков. Клин выстрелил ещё раз. И ещё. И ещё.

Каждый раз — одно и то же. Пули отскакивали от корпуса Легионера 7, словно горох от стены.

Бесполезно, — понял Клин. — Всё бесполезно. Мы не можем его остановить. У нас нет оружия, чтобы пробить его броню. У нас нет плана. У нас нет ничего, кроме глупой надежды и ржавых автоматов.

Он выстрелил ещё раз. И в этот момент Легионер 7 повернул голову. Красные глаза уставились прямо на Клина.

Плазменная пушка в руках робота развернулась — медленно, но неотвратно, как поворачивается башня танка, чтобы встретить новую цель.

Сейчас, — подумал Клин. — Сейчас он выстрелит. И меня не станет.

Он рванул в сторону. Упал. Покатился.

Плазма ударила в то место, где он лежал секунду назад. Бетонная плита раскололась, края оплавилась, воздух наполнился запахом горелого камня. Если бы Клин замешкался на долю секунды — от него осталась бы только горстка пепла и смутное воспоминание.

Он понял, что больше не стоит испытывать судьбу.

Клин поднялся на ноги и побежал. Не к выходу — вглубь стадиона, туда, где под трибунами темнели провалы старых дренажных каналов. Он споткнулся о ступеньку, упал, встал, снова побежал. За спиной трещали выстрелы, кричали люди, грохотала плазма.

Он не оглядывался.

Он спрятался в старой бетонной трубе под трибунами — одном из дренажных каналов, проложенных ещё до войны.

Когда-то по этим каналам стекала дождевая вода — представьте себе, дождь, настоящий дождь, который шёл не раз в году, а несколько раз в месяц. Вода собиралась под полем, отфильтровывалась, уходила в грунт. Теперь каналы были сухими. Почти сухими. На дне хлопала какая-то жижа — смесь старой воды, грязи и того, что лучше не называть.

Клин забрался в трубу, прижался спиной к холодному бетону и замер. Дренажный канал был узким — едва метр в ширину и полтора в высоту. В нём можно было сидеть, но нельзя было встать в полный рост. Сверху, сквозь трещину в бетоне, пробивался тусклый свет. Этой трещины было достаточно, чтобы видеть, что происходит на поле.

Сквозь щель он наблюдал за происходящим.

Легионер 7 двигался по поселению с пугающей точностью. Одна секунда на цель — не больше. Клин видел, как робот входит в жилые секции — те самые помещения, где люди жили, спали, ели, любили, рожали детей. Заходил — и через мгновение оттуда доносился звук выстрела плазменной пушки.

Глубокий, гулкий, похожий на выдох великана.

Потом наступала тишина.

Очень долгая тишина. Тишина, в которой не было ничего — ни криков, ни выстрелов, ни молитв. Только скрежет гидравлики, когда Легионер 7 выходил наружу и направлялся к следующей секции.

Клин сжимал кулаки так сильно, что ногти впивались в ладони. Под ногтями была грязь — и что-то ещё. Кровь? Может быть, его собственная. Может быть, чужая. Он не знал. Ему было всё равно.

Они умирают, — думал он. — Один за другим. И я ничего не могу сделать. Я сижу здесь, как крыса, и смотрю, как они умирают.

Оружие робота — плазменная винтовка — компактно складывалось на его спине, но сейчас находилось в руках. Легионер 7 держал её, как солдат держит винтовку, — стволом вниз, готовый в любой момент поднять и выстрелить.

Ей не нужны были патроны. Она стреляла энергией, которую вырабатывал реактор. Каждый выстрел прожигал бетон, металл, плоть — всё, что попадалось на пути. Клин видел, как один из мужиков — здоровенный, с рыжей бородой, которого звали Кузьма — попытался спрятаться за бетонной колонной. Легионер 7 выстрелил. Колонна испарилась — не раскололась, не рассыпалась, а именно испарилась. От Кузьмы осталась только тень на стене. Чёрная, как сажа.

Военная высокотемпературная плазма, — подумал Клин. — Такая же, как в наших ружьях, только в сто раз мощнее. В тысячу раз.

Он отвернулся от щели, прислонился затылком к холодному бетону и закрыл глаза.

Я хочу домой, — подумал он. — Я хочу, чтобы это кончилось. Я хочу проснуться в своей норе, под своей лампой, и чтобы ничего этого не было.

Но это был не сон. Это была реальность. И реальность была хуже любого кошмара.

Внезапно Клин услышал рядом возню.

Сначала он подумал, что это крыса — большие, мутировавшие твари, которые жили в дренажных каналах и питались отбросами. Иногда они нападали на людей — если те

были ранены или слишком слабы, чтобы защищаться. Клин потянулся за карабином, но карабина не было — он остался там, на поле, когда Клин бежал.

Чёрт, — подумал он. — Чёрт, чёрт, чёрт.

Он обернулся и приготовился к худшему.

Но это была не крыса.

Это была Ольга.

Ольга была одной из тех людей, которых Клин замечал, но никогда не разговаривал с ними подолгу. Она была красивой — в том смысле, который ещё сохранил значение в этом мире. Не «красивой для пустыни», а просто красивой, как те картинки в старых книгах, которые Клин находил в развалинах музеев.

Лет двадцати пяти. Тёмные волосы, заплетённые в длинную косу, которая спускалась почти до пояса. Коса была небрежной — несколько прядей выбились и падали на лицо, обрамляя его, как рама обрамляет картину. Лицо было бледным от напряжения, но решительным. Глаза — серые, пронзительные, с таким взглядом, от которого хотелось либо сказать правду, либо убежать. Клин не знал, что бы он сделал, если бы она посмотрела на него при других обстоятельствах.

На Ольге была грубая кожаная куртка — потрёпанная, с потёртостями на локтях, перетянутая широким ремнём, на котором висели инструменты. Клин насчитал три отвёртки, пассатижи, маленькое зубило и что-то, похожее на мультиметр. В карманах штанов — множество карманов, нашитых

поверх основных, — что-то булькало и звенело. Осколки стекла, старые микросхемы, мелкие детали, которые могли пригодиться.

Она не была воином. Никто на стадионе не был воином — так, выживальщики, которые умели стрелять и драться, когда нужно. Но Ольга была другой. Она умела думать на ходу. И она не боялась рисковать.

— Ты чего здесь? — прошептал Клин.

— А ты? — ответила она так же тихо. — Сидишь, как мышь в норе, смотришь, как люди гибнут?

— А что я могу сделать? — огрызнулся Клин. — У меня карабин сдох, астма душит, и этот... этот... — он махнул рукой в сторону поля, где всё ещё грохотали выстрелы, — этого не остановить.

Ольга не ответила. Вместо этого она пригнулась и потащила за собой что-то тяжёлое. Клин присмотрелся и увидел отражатель от старого прожектора — массивную вогнутую пластину, покрытую слоем пыли и паутины. Металл был мутным от времени, но в глубине ещё угадывался блеск — тот самый, который когда-то собирал свет в узкий луч, способный осветить футбольное поле.

— Зачем тебе это? — спросил Клин.

Ольга подняла на него глаза. Серые, холодные, решительные. Глаза человека, который уже всё решил и не спрашивает разрешения.

— Слеплю гада, — шепнула она, тяжело дыша. Респи-

ратор съехал на подбородок — она дышала ртом, и каждый вдох давался ей с трудом, потому что воздух был полон гари. — Это даст шанс мужикам, чтобы они смогли попасть как следует по этой железной древней махине.

Клин смотрел на неё и не верил своим ушам.

— Ты... — начал он. — Ты с ума сошла?

— Может быть, — она поправила отражатель, проверяя, насколько хорошо он держится. — А может быть, это единственный шанс.

В её голове крутились мысли. Клину видел это по глазам — они бегали, просчитывали, анализировали. Если я ослеплю его хотя бы на секунду, они смогут ударить по суставам, по кабелям, по чему угодно. Он не может быть неуязвимым. Должен быть способ его остановить. Она стиснула зубы — так сильно, что на скулах заиграли желваки. — Должен быть, — прошептала она.

— Ольга, — Клину схватил её за плечо. Сильнее, чем хотел. — Послушай меня. У этого робота тепловое зрение. Он видит тепло. Он не ослепнет от твоего зеркала. Он просто...

— Просто что? — перебила она. — Просто убьёт меня? А я думала, он тут всех в благодарность чаем поит.

— Он тебя вычислит за микросекунду!

— Значит, у меня есть микросекунда, — Ольга сбросила его руку. — Этого достаточно.

Она уже выскакивала наружу.

Клин не успел остановить её.

Она вылетела из дренажного канала, пригнулась, перека- тилась к обломку бетонной стены — тому самому, который час назад был частью трибуны. Легионер 7 стоял в центре поля, повернувшись к ней спиной — он обрабатывал очеред- ную секцию, и плазменная винтовка в его руках дымилась, перезаряжаясь.

Сейчас, — подумала Ольга. — Сейчас или никогда.

Она вскочила, подняла отражатель над головой и пойма- ла в него луч заходящего солнца — багрового, тусклого, но ещё достаточно яркого, чтобы ослепить. Полированная по- верхность пластины сверкнула — в первый раз за много лет.

Луч ударил прямо в оптические сенсоры Легионера 7.

ОПТИЧЕСКИЕ СЕНСОРЫ

Входящий сигнал: превышение максимального уровня освещённости.

Видимость: 0 %.

Переключение на резервный режим (тепловое зрение) ...

Но тепловое зрение тоже ослепло — потому что отра- жатель нагрелся от солнца и излучал тепло, смешиваясь с теплом всего остального. Робот видел только белое пятно. Огромное, яркое, бесполезное.

Робот замер.

Его голова дёрнулась, как у пса, которого резко окликну- ли. Оптические сенсоры щурились, пытаясь перестроиться, но система наведения сбилась, алгоритмы потеряли цель, и на полсекунды — всего на полсекунды — Легионер 7 ослеп.

— Бейте! — закричала Ольга. — Бейте сейчас!

Мужики не заставили себя ждать. Шрам, Кузьма — тот, который оказался живым, — и ещё трое выскочили из укрытий и ударили из всего, что у них было. Плазменные ружья выплюнули заряды — голубые, шипящие, похожие на маленькие солнца. Они попали в правую ногу робота, туда, где броня была тоньше, где суставы соединялись гидравлическими трубками.

Робот пошатнулся.

В первый раз за всё время. Пошатнулся. Перенёс вес на левую ногу, чтобы разгрузить правую.

— Есть! — заорал Шрам. — Есть контакт! Бей ещё!

Они ударили снова. И снова. Плазма прожигала защитные кожухи, гидравлическая жидкость потекла по ноге робота, капая на песок. Легионер 7 покачнулся ещё раз.

Но он быстро пришёл в себя.

СИСТЕМА СТАБИЛИЗАЦИИ

Потеря равновесия зафиксирована.

Причина: легкое повреждение гидравлических линий правой ноги.

Степень повреждения: 12 %.

Перераспределение нагрузки... выполнено.

Поиск источника угрозы...

Его голова мотнулась в сторону Ольги.

Красные глаза — уже восстановившиеся, уже сфокусированные — нашли её за бетонным обломком. Она стояла с от-

ражателем в руках, тяжело дыша, и смотрела прямо на него. Не убегала. Не пряталась. Просто смотрела.

Цель зафиксирована, — отрапортовала система.

Классификация: враг.

Приказ: уничтожить.

Оружие поднялось.

Клин видел всё это сквозь щель в бетоне. Видел, как робот поворачивается к Ольге. Видел, как ствол плазменной винтовки начинает накапливать заряд — голубое свечение становится ярче, плотнее, смертоноснее. Видел, как Ольга замирает, понимая, что не успеет убежать.

Она умрёт, — подумал Клин. — Сейчас умрёт. Как Коготь. Как те, кто были в секциях. Как Кузьма. Просто исчезнет. Останется только тень на стене.

Он не думал.

Он просто вылетел из укрытия.

Клин вылетел из дренажного канала, как пробка из бутылки шампанского, — не потому, что был храбрым, а потому, что мозг отключился и тело действовало само. Сработал тот самый древний инстинкт, который заставляет мать бросаться под пулю ради ребёнка, а собаку — прыгать в огонь ради хозяина.

Клин не был матерью. Не был собакой. Он был просто человеком, который увидел, что кто-то другой собирается умереть, и не смог этого вынести.

Он бросился вперёд, схватил Ольгу за куртку и рванул на

себя. Она не ожидала — потеряла равновесие, упала, увлекая его за собой. Они покатались по земле, как два мешка с мусором, сшибая пыль и камни.

Плазма ударила в бетонный обломок — тот самый, за которым только что стояла Ольга. Обломок испарился. Горячий воздух опалил затылок Клина — он почувствовал жар, запах горелых волос, боль.

Они покатались дальше — и свалились в дренажный канал.

Тот самый, старый, зловонный, заполненный остатками воды и мусора. Клин упал на спину, больно ударился копчиком о бетонное дно. Ольга упала сверху, придавив его своим телом. Вода — чёрная, вонючая, холодная — залила им лица.

Она откашлялась, отплюнулась, отползла в сторону. Села, прислонившись спиной к стене. Посмотрела на Клина — огромными, расширенными от шока глазами.

— Зачем? — спросила она.

Вопрос был простым. Всего из пяти букв. Но Клин не знал, что на него ответить.

Зачем? Потому что ты могла умереть. Потому что я не хотел, чтобы ты умирала. Потому что...

Он не ответил. Просто схватил её за руку и потащил дальше вниз, в темноту канала, где пахло гнилью и ржавчиной, но где они, возможно, были в безопасности — хотя бы на несколько драгоценных минут.

Ольга не сопротивлялась.

Она шла за ним, пригнувшись, потому что потолок канала становился всё ниже. Вода хлюпала под ногами — холодная, грязная, с мерзким запахом, от которого хотелось вывернуть наизнанку. Но они шли. Шли, пока канал не повернул, и свет из трещины не исчез совсем.

Тогда они остановились.

— Где мы? — прошептала Ольга.

— В дренажной системе, — ответил Клин. — Она идёт под всем стадионом. Если повезёт, мы выйдем с другой стороны. В пустыню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.